

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Поющее дерево и птица-говорунья

Жил царь очень любопытен, всё под окнами слушал; а было у купца три дочери, и говорят как-то эти дочери отцу; одна говорит:

– Если б меня взял царский хлебодар^[1]!

А другая говорит:

– Если б меня царский слуга взял за себя замуж!

А третья говорит:

– А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!

Царь весь этот разговор слышал; спустя несколько времени царь сделал точно так, как они желали: старшая дочь вышла за хлебодара, средняя дочь вышла за слугу царского, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жил со своею супругой, и стала она беременна; потом стала родить. Вот царь посылает за городской бабкой; а сёстры царской жене и говорят:

– Для чего посылать? Мы и сами можем быть у тебя бабками.

Как родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка, а младенца новорождённого положили в коробочку и пустили в царском саду в пруд. Царь разгневался на свою супругу, хотел было её в пушки расстрелять; да отговорили приезжие короли – на первый-де раз надобно простить. Ну, царь и простил; до другого разу оставил.

□Через год стала царица другим ребёнком беременна и родила сына; сёстры опять сказали царю, что ваша супруга родила котёнка. Царь ещё больше того рассердился и хотел было свою супругу совсем казнить, да опять упросили-уговорили его. Он одумался и оставил её до третьего разу. А сёстры и другого младенца положили в коробочку и пустили в пруд. Вот ещё царица стала беременна третьим и родила прекрасную дочь; сёстры опять доложили царю, что ваша супруга родила неведомо что. Царь больше того рассердился, поставил виселицу и хотел было свою жену повесить; да приезжие из других земель короли сказали ему:

– Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади её туда: кто будет идти к обедне, всякий будет ей в глаза плевать!

Царь так и сделал; а ей не только что плевать в глаза, всякий несёт кто калачей, кто пирогов. А которых царица родила детей, а бабки в пруд попускали, царский садовник взял их к себе и стал воспитывать.

□Эти царские дети росли не по годам, а по месяцам, не по дням, а по часам; царевичи выросли такие молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать; а царица такая красавица – просто ужас! И вошли они в пору и стали просить садовника, чтобы позволил им поставить дом за городом. Садовник позволил; они поставили большой отличный дом и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; раз они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходит к ней в дом старая старушка и говорит этой девушке:

– Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трёх вещей.

Царевна спрашивает у старушки:

– Чего же нет у нас? Кажется, у нас всё есть!

Старушка говорит:

– Вот чего у вас нет: птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды.

Вот приезжают братья с охоты, сестра их встречает и говорит:

– Братцы! Всё у нас есть, только трёх вещей нету!

Братья спрашивают:

– Чего же у нас, сестрица, нету?

Она говорит:

– Нету у нас птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды.

Старший брат и просит:

– Сестрица, благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьют, так вы меня вот по чему узнавайте: поторкну^[2] я в стену ножичек; если с ножичка капнет кровь – это будет знак, что я помер.

□Вот он и пошёл; шёл-шёл и пришёл в лес. Сидит на дереве старый старичок; он его и спрашивает:

– Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?

Старик дал ему каточек^[3]:

– Куда этот каточек покатится, туда и ступай за ним!

Каточек покатился, а царевич за ним; прикатился каточек к высокой горе и пропал; царевич пошёл в гору, дошёл до половины

горы, да вдруг и пропал. В доме его тотчас же капнула с ножичка кровь; сестра и говорит среднему брату, что помер наш большой брат: вот капнула с его ножичка кровь! Отвечает ей средний брат:

– Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды.

Она его благословила; он и пошёл; шёл-шёл, много ли, мало ли вёрст, и пришёл в лес. Сидит на дереве старый старичок; царевич его и спрашивает:

– Что, дедушка, как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?

Старичок говорит:

– На вот тебе каточек – куда он покатится, туда и ступай.

Старик бросил – каточек покатился, а царевич за ним пошёл; прикатился каточек к крутой высокой горе и скрылся; полез он в гору, дошёл до половины, да вдруг и пропал.

□Вот сестра дождалася его много, много годов, а его всё нет! – и говорит: «Должно быть, и другой мой братец помер!» Пошла сама доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес. Сидит на дереве старый старичок; спрашивает его:

– Дедушка! Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?

Отвечает старичок:

– Где тебе достать! Здесь похитрее тебя ходили, да все пропали.

Девушка просит:

– Скажи, пожалуйста!

И говорит ей старичок:

– На´вот тебе каточек, ступай за ним!

Каточек покатился, девушка за ним пошла. Долго ли, коротко ли – прикатился этот каточек к крутой высокой горе; девушка полезла в гору, и зачали на неё кричать:

– Куда ты идёшь? Мы тебя убьём! Мы тебя съедим!

Она знай себе идёт да идёт; взошла на´гору, а там сидит птица-говорунья.

□Девушка взяла эту птицу и спрашивает у ней:

– Скажи мне, где достать дерево певучее и живой воды?

Птица говорит:

– Вот туда ступай!

Пришла она к певучему дереву, на том дереве разные птицы поют; отломила от него ветку и пустилась дальше; пришла к живой воде, почерпнула кувшинчик и понесла домой. Стала под гору спускаться, взяла да и прыснула живою водой: вдруг вскочили её братья и говорят:

– Ах, сестрица, как мы долго спали!

– Да, братцы, если б не я, вы бы век здесь спали!

И говорит им сестра:

– Вот, братцы, достала я птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды.

Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили певучее дерево в своём саду; оно во весь сад распустилось, и поют на нём птицы разными голосами.

□Раз как-то поехали братья на охоту и попадается им навстречу царь. Полюбились царю эти охотники, стал их просить к себе в

гости. Они и говорят:

– Мы попросим у сестрицы позволения; если она позволит, то непременно будем!

Вот приезжают они с охоты, сестра их встречает, рада за ними ухаживать; говорят ей братья:

– Позволь нам, сестрица, к царю в гости сходить; он нас честью просил.

Царевна им позволила; они и поехали в гости. Приехали; царь их отлично принял и на славу угостил; стали они царю докладывать и просить, чтобы и он навестил их. Вот спустя некое время приезжает к ним царь, они его так же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево певучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говорит:

– Я царь, да у меня этого нет!

Тут сестра и братья говорят царю:

– Мы-де ваши дети!

Царь узнал про всё, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из часовни взял; и жили они все вместе много лет во всяком счастье.

[1] – Раздаватель хлеба (Ред.).

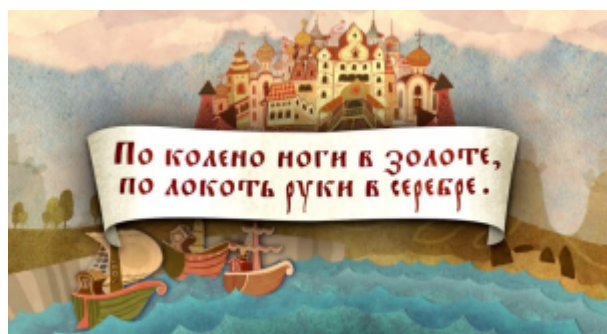
[2] – Торкать – прост. втыкать, всовывать.

[3] – Клубочек, шарик.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич – и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали; он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на бел свет; берет он у царя-отца благословенье и позволение и едет на все четыре стороны, людей посмотреть, себя показать.

Долго ездил, много видел добра и худа и всякой всячины; наконец подъехал к палатам высоким, хорошим, каменным. Видит: на крылечке сидят три сестрицы-красавицы и между собой разговаривают. Старшая говорит: «Если б на мне женился Иван-царевич, я б ему напяла рубашку тонкую, гладкую, какой во всем свете не спрядут». Иван-царевич стал прислушиваться. «А если б меня взял, – сказала средняя, – я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица». – «А я ни прясть, ни ткать не умею, – говорила меньшая, – а если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды».

Иван-царевич все слышал, все запомнил и, возвратясь к отцу, просил позволение жениться. Отказа не было; он взял за себя меньшую сестру и стал с нею жить-поживать душа в душу; а

старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло мерить; подкупили нянюшек, мамушек, и когда у Ивана-царевича родился сын, когда он ждал, что ему поднесут дитя с солнцем во лбу, с месяцем на затылке, с звездами по бокам, вместо того подали ему просто-напросто котенка и заверили, что жена его обманула. Сильно он огорчился, долго сердился, наконец стал ожидать другого сына.

Те же нянюшки, те же мамушки были с царевной, опять украли ее настоящего ребенка с солнцем во лбу и подложили щенка. Иван-царевич заболел с горя-печали; много он любил царевну, но еще больше хотелось ему поглядеть на хорошее детище. Начал ожидать третьего. В третий раз ему показали простого ребенка, без звезд и месяца. Иван-царевич не стерпел, отказался от жены, приказал ее судить.

Собрались, съехались люди старшие – нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову. «Нет, – сказал главный судья, – слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить на море; виновата – потонет, права – выплывет». Речь полюбилась; выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребенком в бочку и бросили в море. А Иван-царевич женился на ее старшей сестре, на той самой, что детей его покрала да спрятала в отцовском саду в зеленой беседке.

Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по океану с подкидышком, и рос этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен и говорит: «Сударыня-матушка! Когда б, по моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, мы пристали к берегу!» Бочка остановилась. «Сударыня-матушка, когда б, по моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, наша бочка лопнула!» Только он молвил, бочка развалилась надвое, и он с матерью вышли на берег. «Сударыня-матушка! Какое веселое, славное место; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, по щучью веленью, по божью

благословенью, когда б здесь явилась банька!»

Ту ж минуту как из земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипела. Вошли, взял он веничек и стал теплою водою промывать больные глаза матери. «По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б моя матушка проглянула». – «Сынок! Я вижу, вижу, глаза открылись!» – «По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б, сударыня-матушка, твоего батюшки дворец да к нам перешел и с садом и с твоими детьми».

Откуда ни взялся дворец, перед дворцом раскинулся сад, в саду на веточках птички поют, посреди беседка стоит, в беседке три братца живут. Мальчик-подкидышек побежал к ним. Вошел, видит – накрыт стол, на столе три прибора. Возвратился он поскорее домой и говорит: «Дорогая сударыня-матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке». Мать послушала. Понес он три лепешечки, разложил на три тарелочки, а сам спрятался в уголок и ожидает: кто придет? Вдруг комната осветилась – вошла три брата с солнцем, с месяцем, с звездами; сели за стол, отведали лепешек и узнали родимой матери молоко. «Кто нам принес эти лепешечки? Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли». Мальчик вышел и повел их к матери. Тут они обнимались, целовались и плакали. Хорошо им стало жить, было чем и добрых людей угостить.

Один раз шли мимо нищие старцы; их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили. Случилось: те же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; он стоял на крыльце и начал их спрашивать: «Нищие старцы! Где вы были-пробывали, что видели-повидали?» – «А мы там были-пробывали, то видели-повидали: где прежде был мох да болото, пень да колода, там теперь дворец – ни в сказке сказать, ни пером написать, там сад – во всем царстве не сыскать, там люди – в белом свете не видать! Там мы были-пробывали, три родных братца нас угощали: во лбу у них солнце, на затылке месяц, по бокам часты звезды, и живет с ними и любуется на них мать-царевна прекрасная». Выслушал

Иван-царевич и задумался... кольнуло его в грудь, забилося сердце; снял он свой верный меч, взял меткую стрелу, оседлал ретивого коня и, не сказав жене: «прощай!», полетел во дворец – что ни в сказке сказать, ни пером написать. Очутился там, глянул на детей, глянул на жену – узнал и не вспомнился от радости – душа просветлела!

В это время я там была, мед-вино пила, все видела, всем было очень весело, горько только одной старшей сестре, которую так же засмолили в бочку, так же бросили в море, но не так ее бог хранил: она тут же канула на дно, и след пропал!

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Косоручка

Жил купец, были у него сын да дочь. Пришло время купцу помирать; он и просит сына, чтобы он сестру свою любил, берег,

никому в обиду не давал. Вот отец умер; сын через несколько дней на охоту поехал, а была у него злая жена, взяла да и выпустила коня на волю. Муж приезжает домой, она с жалобой: «Вот ты любишь свою сестру, лелеешь ее, а она твоего коня выпустила». – «Собака его ешь! Конь – дело наживное, а другой сестры я не наживу». Через несколько дней опять отлучился муж на охоту; жена его выпустила сокола из клетки. Только что воротился он домой, она стала жаловаться: «Вот ты сестре своей все спускаешь, а она выпустила сокола из клетки!» – «Э, сова его клюй! Сокол – дело наживное, а другой сестры у меня не будет!» В третий раз отлучился муж куда-то по своим делам; жена схватила своего единственного сына, побежала в табун и бросила лошадям под ноги. Муж воротился, она опять жалуется: «Вот какова твоя сестра! За всю любовь твою она нашего сына конями истоптала!» Тот страшно рассердился, взял сестру и отвез в дремучий лес.

Много ли, мало ли она в нем жила, обносились вся и засела в дупло. В некое время охотился в этом лесу королевский сын; собаки набежали на красную девицу, обступили кругом дерево и лают. «Знать, на звериный след напали!» – думает королевич и давай травить. «Не трави меня, млад юноша! – отозвалась купеческая дочь. – Я человек, а не зверь». – «Выходи из дупла», – говорит ей королевич. «Не могу, я нага и боса». Он сейчас слез с коня и бросил ей свой плащ; она оделась и вышла. И видит королевич совершенную красавицу, взял ее с собою, привез домой, поместил в особую горницу и не стал никуда ездить – все дома сидит. Спрашивает его отец: «Любезный мой сын! Что с тобой случилось? Прежде ты отлучался на охоту по неделе и больше, а теперь все дома сидишь». – «Государь мой батюшка и государыня матушка! Виноват я перед вами: нашел я в лесу такую красавицу, что ни вздумать, ни взгадать! Если б только вы меня благословили, не желал бы я себе иной супруги». – «Хорошо! Покажь нам ее». Приводит он свою суженую; король с королевою согласились на его просьбу и обвенчали их.

Пожил королевич с своей женою несколько времени, и

понадобилось ему на службу ехать. Просит он своего отца: «Кого бы ни родила моя жена – уведоьте меня с скорым гонцом». Королевна родила без него сына – по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнце. Тотчас изготовили письмо о новорожденном сыне и послали к королевичу скорого гонца. Случилось ему проезжать мимо того города, где проживал купеческий сын; поднялась буря, гонец и заехал в тот дом, откуда была ихняя королевна вывезена. Хозяйка истопила ему баню, послала париться, а сама переписала письмо: «Твоя-де жена родила козла с бородой», – и запечатала. Гонец приезжает к королевичу, подает бумаги; тот прочитал и пишет к отцу: «Что бог ни дал – беречь до меня!»

На обратном пути заезжает гонец в тот же дом. Хозяйка по-прежнему отправила его в баню, а сама за бумаги и переписала письмо, чтоб отрубить у королевны руки по локоть, привязать младенца на грудь и отвести ее в темный лес.

Так и было исполнено. Ходила-ходила королевна по лесу, увидела колодец, захотела напиться, наклонилась в колодец и уронила туда своего сына. Стала она слезно просить бога, чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо совершилось – руки явились; она вытащила сына и пошла странствовать.

Много ли, мало ли странствовала, приходит в нищенском рубище на родину и попросилась ночевать у брата. Сноха ее не узнала. Вот она села в уголок, то и дело что прикрывает своему сыну руки да ноги. На ту пору приезжает туда же королевич, начал с ее братом – купеческим сыном есть, пить, веселиться. Брат говорит: «Кто бы нас потешил – из короба в короб орехи пересыпал?» Мальчик просится: «Пусти меня, матушка! Я их потешу»: а она не пускает. Брат услышал, что она не позволяет, и говорит: «Поди, поди, сиротиночка! Пересыпь орешки». Мальчик взял орехи и стал сказывать: «Два ореха в короб, два из короба... Жил-был брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два ореха в короб, два из короба... Отвез брат сестру в дремучий лес; натерпелась она и голоду и холоду, обносилась вся. Два ореха в короб, два из короба...

Приехал с охотой в дремучий лес королевский сын; увидел мою матушку, влюбился в нее. Два ореха в короб, два из короба... Взял ее за себя, родила она меня – по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнышко. Два ореха в короб, два из короба...» И так-то, пересыпая орехи из короба в короб, рассказал все, что с ними было, а после и говорит: «Здравствуйте, родимый батюшка и богоданный дядюшка!» Дядя взял свою жену и по общему суду казнил ее, а потом все вместе поехали к старому королю. Король со королевою сильно возрадовались, увидя свою невестку со внуком; и стали королевич с королевною жить-поживать да добра наживать.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Неумойка

Отслужил солдат три войны, не выслужил и выеденного яйца, и отпустили его в чистую^[1]. Вот он вышел на дорогу, шёл-шёл,

пристал и сел у озера; сидит да думу думает: «Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К чёрту, что ли, в работники наняться!» Только вымолвил эти речи, а чертёнок тут как тут – стоит перед ним, кланяется:

– Здорово, служба!

– Тебе что надо?

– Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим.

– А какова работа?

– Работа лёгкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, соплей не сморкать, нос не утирать и одежды не переменять!

– Ладно, – говорит солдат, – я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы всё мне было готово, чего душа пожелает!

– Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет.

– Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!

□Чертёнок бросился в озеро, притащил кучу денег и мигом перенёс солдата в большой город; перенёс – и был таков!

– Вот на дурака напал! – говорит солдат. – Ещё не служил, не работал, а деньги взял.

Нанял себе квартиру, не стрижётся, не бреется, носа не утирает, одежды не переменяет, живёт – богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом? «Дай-ка, – вздумал он, – начну помогать бедным; пусть за мою душу молятся». Начал солдат раздавать деньги бедным, и направо даёт, и налево даёт – а денег у него не только не убывает, а ещё прибавляется. Пошла об нём слава

по всему царству, по всем людям.

□ Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата. Приходит к нему солдат небритый, невымытый, нечесанный, сопли не вытерты, одежда не переменена.

– Здравия желаю, ваше величество!

– Послушай, служивый! Ты, говорят, всем людям добро делаешь; дай мне хоть займы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую.

– Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну из своих дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно.

Тут король призадумался; и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя.

– Ну, – говорит, – хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу – которая за тебя пойдёт?

Солдат повернулся, велел списать с себя портрет – точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

□ У того царя было три дочери, призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей:

– Пойдёшь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет.

Царевна видит, что нарисовано страшилище, волосы всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты!

– Не хочу! – говорит. – Я лучше за чёрта пойду!

А чёрт откуда взялся – стоит позади с пером да с бумагой, услышал это и записал её душу. Спрашивает отец среднюю дочь:

– Пойдёшь за солдата замуж?

– Как же! Я лучше в девках просижу, лучше с чёртом повяжуся^[2], чем за него идти!

Чёрт записал и другую душу. Спрашивает отец у меньшей дочери; она ему отвечает:

– Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!

□Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертёнка:

– Вот двенадцать подвод – чтобы сейчас все были золотом насыпаны!

Чертёнок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза́ и отправили к царю во дворец. Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел. Вот, пока готовились они к свадьбе, прошло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовёт он чертёнка и говорит:

– Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом.

Чертёнок изрубил его на мелкие части, бросил в котёл и давай варить; сварил, вынул и собрал всё воедино как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мёртвой и живой водою – и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мёд-пиво пил, было у них вино – выпивал его по самое дно!

□Прибежал чертёнок в озеро; потребовал его дедушка к отчету:

– Что, как солдат?

– Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не

стригся, соплей не утирал, одёжи не переменял.

Рассердился на него дедушка:

– В пятнадцать лет, – говорит, – не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег потрачено, какой же ты чёрт после этого? – и приказал бросить его в смолу кипучую.

– Постой, дедушка! – отвечает внучёк. – За солдатскую душу у меня две записаны.

– Как так?

– Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за чёрта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они – наши!

Дедушка оправил чертёнка и велел его отпустить: знает-де своё дело!

[1] – Т. е. в отставку.

[2] – Свяжуся (Ред.).

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сопливый козёл

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится. И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына. На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь, чтоб ей привидится? И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшей дочери, послал и ту; и приснилось ей, бедняжке, что выйдет она замуж за козла.

□ Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козёл в это время подхватил её на высокие рога и унёс за крутые берега. Принёс к себе и уложил на полати спать: сопли у него бегут, слюни текут, а бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует; понравилось это козлу, знай чешет свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь – ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала. А слуги давно её будят:

– Не пора, сударыня спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!

□ Выходит она на крылечко; летят гуси.

– Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси ей в ответ:

– С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына.

Козёл с полатай всё слышит и говорит слугам:

– Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные; закладывайте вороных коней; чтоб три раза скакнули и были на месте.

□ Принарядилась бедняжка и поехала; кони мигом привезли её к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой! А козёл в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями. Ну, как на пир гусяра не созвать? Он пришёл в хоромы и начал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней и была такова!

□ Приехала домой, а козёл уж на полатях лежит. Сопли у него бегут, слюни текут; бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует. Поутру будят её слуги:

– Не пора, сударыня, спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!

Встала она, прибрала всё в горницах и вышла на крылечко; летят гуси.

– Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси в ответ:

– С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, среднюю сестрицу твою замуж выдают за

дворянина богатого.

Опять поехала бедняжка к отцу; на крыльце её гости встречают, в доме пир горой! А козёл обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями; позвали его, он и стал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней – и была такова!

□Воротилась домой; козёл лежит на полатах: сопли бегут, слюни текут! Прошла ещё ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крылечко; опять летят гуси.

– Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несёте мне весточку?

А гуси в ответ:

– С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол.

Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусяр похаживает, на гусях выигрывает. Позвали его в хоромы; гусяр опять по-старому: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!»

□Бедняжка в одну щёку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полати, а там одна козлиная шкурка лежит; гусяр не успел ещё оборотиться в козла. Полетела шкурка в печь, очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцом; стали они себе жить да поживать да добра наживать.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Заклятый царевич

Жил-был купец, у него было три дочери. Пришлось ему ехать в чужие земли за товарами, спрашивает он у дочерей:

– Что вам привезти из-за моря?

Старшая просит – обновку, середняя – то ж, а младшая взяла лист бумаги, нарисовала цветок:

– Мне, – говорит, – батюшка, привези вот этакий цветок.

Долго разъезжал купец по разным государствам, а такого цветка нигде не видал.

□Стал домой ворочаться и усмотрел на пути славный высокий дворец с теремами, башнями, с садом. Зашёл погулять в саду: что тут всяких деревьев, что всяких цветов! Один цветок другого прекраснее! Смотрит, а вот и точно такой растёт, какой ему дочь нарисовала. «Дай, – думает, – сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нет, никто не увидит!» Нагнулся и сорвал, и только сделал это – как в ту ж минуту поднялся

буйный ветер, загремел гром и явилось перед ним страшное чудище – безобразный крылатый змей с тремя головами.

– Как ты смел в моём саду хозяйничать? – закричал змей на купца. – Зачем цветок сорвал?

Купец испугался, пал на колени и стал просить прощения.

– Хорошо, – говорит змей, – пожалуй, я тебя прощу, только с тем условием: кто тебя первый по приезде домой встретит, того мне на весь век отдай. А если обманешь, то не забудь, что от меня нигде не спрячешься; везде тебя найду!

□Купец согласился; подъезжает к своему дворцу, а меньшая дочь усмотрела его в окошечко и выбежала навстречу. Купец и голову повесил; смотрит на свою любимую дочь и горькими слезами плачет.

– Что с тобой? О чём плачешь, батюшка?

Он отдал ей цветок и рассказал, что с ним случилось.

– Не печалься, батюшка! – говорит меньшая дочь. – Бог даст, мне и там хорошо будет! Вези меня к змею.

Отец отвез её, оставил во дворце, попрощался и уехал домой.

□Вот красная девица, дочь купеческая, ходит по разным комнатам – везде золото да бархат, а никого не видать, ни единой души человеческой! А время идёт да идёт; проголодалась красавица и думает: «Ах, как бы я теперь покушала!» Не успела подумать, а уж перед нею стол стоит, а на столе и кушанья, и напитки, и сласти; разве только птичьего молока нет! Села она за стол – напилась, наелась; встала – и всё исчезло! Вот и смерклось; купеческая дочь вошла в спальню, хочет спать ложиться. Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трёхглавый змей.

– Здравствуй, красная девица! Постели-ка мне постель возле этой двери.

Красная девица постлала ему постель возле двери, а сама легла на кровати.

□Проснулась поутру, опять во всём доме не видать ни души; одно хорошо: чего бы ни пожелала она – всё тотчас и явится! Вечером прилетает змей и приказывает:

– Теперь, красная девица, постели мне постель рядом с твоею кроватью.

Она постлала ему рядом с своею кроватью. Ночь прошла, девица проснулась – опять во дворце ни души! В третий раз прилетает змей вечером и говорит:

– Ну, красная девица, теперь я с тобой на одной кровати лягу.

Страшно было купеческой дочери спать на одной постели с таким безобразным чудищем, а делать нечего – скрепила своё сердце, легла с ним.

□Наутро говорит ей змей:

– Если скучно тебе, красная девица, поезжай к отцу, к сёстрам, побудь с ними день, а к вечеру назад приезжай, да смотри – не опоздай: если хоть минуту опоздаешь – я с горя помру!

– Нет, не опоздаю! – говорит купеческая дочь.

Вышла на крыльцо, а уж коляска давно готова; села и в ту ж минуту очутилась на батюшкином дворе. Отец увидал, обнимает, целует её, спрашивает:

– Как тебя бог милует, дочка моя любимая? Хорошо ли тебе?

– Хорошо, батюшка!

Стала рассказывать, какое во дворце богатство, как её змей любит, как всё, что только она задумает, тотчас исполняется.

□Сёстры слушают и не знают что делать от зависти. День на исходе; красная девица назад собирается, с отцом, с сёстрами

прощается:

– Так и так, – говорит, – домой пора! Велено к сроку быть.

Завистливые сёстры натёрли себе глаза луком и будто плачут: «Не уезжай, сестрица! Остаься до завтрава». Жалко ей стало сестёр, осталась до другого дня. Поутру простилась со всеми и уехала во дворец. Приезжает – во дворце пусто по-прежнему; пошла в сад, смотрит, а змей мёртвый в пруде лежит: с горя в воду бросился.

– Ах, боже мой, что я сделала! – вскрикнула красная девица и залилась слезами, прибежала к пруду, вытащила змея из воды, обняла одну голову и поцеловала крепко-крепко – змей встрепенулся и вмиг обратился в доброго мо́лодца.

– Спасибо тебе, красная девица! – говорит ей мо́лодец. – Ты меня избавила от великого несчастья; я не змей, а заклятый царевич!

Тотчас поехали они к купцу, перевенчались и стали жить-поживать да добра наживать.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Берёза и три сокола

Отслужил солдат свои законный срок, получил отставку и пошёл на родину. Идёт путём-дорогою, а навстречу ему нечистый.

– Стой, служивый! Куда идёшь?

– Домой иду.

– Что тебе дома! Ведь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мне в работники; я тебе большое жалованье положу.

– А в чём служба?

– Служба самая лёгкая: мне надобно ехать за синие моря к дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль их до моего приезде.

Солдат согласился. «Без денег, – думает, – плохое житьё; хоть у чёрта, всё что-нибудь да заработаю!» Нечистый привёл его в свои палаты, а сам уехал за синие моря.

□ Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойтить в сад; вышел, смотрит – стоит берёза. И говорит ему берёза человеческим голосом:

– Служивый! Сходи вот в такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы дал тебе то самое, что ему нынче во сне привиделось.

Солдат пошёл, куда ему сказано; священник тотчас достал книгу: «Вот тебе – возьми!» Солдат взял; приходит назад.

– Спасибо, добрый человек! – говорит берёза. – Теперь становись да читай.

□Начал он читать эту книгу; одну ночь читал – вышла из березы красная девица, красоты неописанной, по самые груди; другую ночь читал – вышла по пояс; третью ночь читал – совсем вышла. Поцеловала его и говорит:

– Я – царская дочь; похитил меня нечистый и сделал берёзою. А три сокола – мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!

Только вымолвила царевна это слово, тотчас прилетели три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми молодцами. Тут все они собрались и поехали к отцу, к матери, и солдата с собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замуж царевну и оставили жить при себе.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Окаменелое царство

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать – как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружьё на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

– Куда идёшь? Аль батальонный требует?

– Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошёл он, добрый молодец, куда глаза глядят.

□ Много ли, мало ли шёл – пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает:

– Нельзя ли где отдых взять?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует – при форме, сделал ружьём на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

– Скажи мне по совести, откуда и куда идёшь?

– Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всём королю по совести и стал на службу проситься.

– Хорошо, – сказал король, – наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно – кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся – сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

□ Год и два служит – всё у него исправно; вот и третий год на исходе, пошёл однажды сад оглядывать и видит – половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! – думает сам с собою. – Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружьё в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг послышался треск и шум, очнулся добрый молодец, глядь – прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдат выстрелил в неё из ружья, убить не убил, а только ранил её в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутёк пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорёхонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

□ Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печёнки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся – что же? – и под землёй такой же свет. «Стало быть, – думает, – и здесь есть люди!» Шёл-шёл, перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать – часовой молчит, не движется; взял его за руку – а он совсем каменный! Взошёл солдат в караульню – народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам – везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит – комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом

тихо и пусто.

□Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему – словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружьё и стал у дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

– Здравствуй, служивый! Расскажи, – говорит, – какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

– Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерег её, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

– Эта птица – мне родная сестра: много она творит всякого зла и на моё царство беду наслала – весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай её с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай своё – читай книжку да держи её крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

– Ладно! – отвечал солдат.

□Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело – явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи – и всё разом сгнуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал. Запели петухи – и демонское наваждение

сгнуло! В тот самый час всё царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Заколдованная королева

В некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец; у него был сын Иван. Нагрузил купец свои корабли, дом и лавки приказал жене да сыну и отправился в дальний путь. Едет он морями месяц, и два, и три, пристаёт в земли чужестранные, закупает товары заморские, а свои по хорошей цене продает. Тем временем над Иваном купеческим сыном стряслась беда немалая; озлобились на него все купцы и мещане: «Зачем-де он такой счастливый? Весь торг у нас отбил!» Собрались целым обществом, написали челобитную, что такой-то купеческий сын – вор и

гуляка, не достоин быть в нашем звании, и присудили отдать его в солдаты. Забрили ему, сердешному, лоб и отправили в полк.

Служит Иван, горе мыкает – не один годочек; десять лет прошло, и вздумал он побывать на родине, записался в отпуск, взял билет на шесть месяцев и пошел путем-дорогою. Отец и мать ему обрадовались; прожил он, прогостил у них сколько надобно, а тут время и назад отправляться. Взял его купец, повел в подвалы глубокие, златом-серебром насыпанные, и говорит ему: «Ну, любезный сын, бери себе денег, сколько душе хочется». Иван купеческий сын наложил карманы, принял от отца, от матери их родительское, навеки нерушимое благословение, простился с сродниками и поехал в полк; отец-то ему важного коня купил! С той разлуки обуяла его, доброго молодца, грусть-тоска великая; видит он – на дороге кабак стоит, заехал с горя вина испить: выпил косушку – мало показалось, выпил другую – опьянел и повалился спать.

Отколь ни взялись ошары^[1] кабацкие, вынули у него деньги – все до единой копеечки. Иван купеческий сын проснулся, хватить – нет ни копейки, потужил-потужил и пустился дальше. Пристигла его темная ночь в пустынных местах; ехал-ехал, трактир стоит, возле трактира столб, на столбу написано: кто ночевать заедет, с того – сто рублей. Что тут делать? Не с голоду ж помирать; стукнул в ворота – выбегает мальчик, ведет его в горницу, а коня на конюшню. Что только душа просит, всего подадут Ивану купеческому сыну; наелся-напился он, сел и призадумался. «О чем, господин служивый, призадумался? – спрашивает хозяин. – Али расплатиться нечем?» – «Не то, хозяин! Я у тебя сыт, а мой верный конь так стоит». – «Нет, служивый! Хоть сам посмотри, у него и сена и овса вдоволь». – «Да не в том дело! Наши лошади уж так привычны: коли я сам буду возле коня, так он станет есть; а без меня и до корму не дотронется». Трактирщик побежал в конюшню, заглянул – так и есть: конь стоит, повесил голову, на овес и не смотрит. «Экая умная лошадь! Знает своего господина», – подумал трактирщик и велел для солдата изготовить постель в конюшне. Иван купеческий сын залег там

спать, да ровно в полночь, как все в доме заснули, встал, оседлал коня и ускакал со двора долой.

На другой день к вечеру заехал он в трактир, где за одну ночь по двести рублей брали; удалось ему и тут обмануть. На третий день попадаетея ему трактир еще лучше прежних двух; на столбе написано: кто ночевать заедет, с того – триста рублей. «Ну, – думает, – была не была, попробую и здесь удали!» Заехал, важно наелся, напился, сел и призадумался. «О чем, служивый, призадумался? Али расплатиться нечем?» – спрашивает хозяин. «Нет, не угадал! Мне вот что думается: сам-то я сыт, а мой верный конь так стоит». – «Как можно! Я ему и сена наклал и овса насыпал – всего вдоволь». – «Да наши лошади уж так привычны: коли я сам возле коня буду, так он станет есть, а без меня и до корму не дотронется». – «Ну что ж! Ложись в конюшне».

А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул. В самую полночь встал Иван купеческий сын и собрался было тягу дать, смотрит – работники на часах стоят; лег и заснул; пробудился – уж заря занимается, оседлал поскорей коня, сел и едет со двора. «Стой! – закричали сторожа. – Ты еще с хозяином не расплатился; подавай-ка деньги!» – «Какие деньги? Убирайтесь к черту!» – отвечал Иван и хотел было проскочить мимо; работники тотчас сгребли его и давай бить по загривку. Такой шум подняли, что весь дом сбежался. «Бей его, ребята, до смерти!» – «Будет с него! – говорит хозяин. – Оставьте его живого, пушай у нас три года проживет да триста рублей заработает».

Нечего делать, остался Иван купеческий сын жить в трактире; день живет, и два, и три живет. Говорит ему хозяин: «Что, господин служивый, чай умеешь из ружья стрелять?» – «Для чего не уметь? Нас тому в полку учат». – «Ну так ступай, настреляй дичи; в наших местах и всякий зверь и всякая птица водится».

Иван купеческий сын взял ружье и пошел на охоту; долго бродил по лесу – ничего не попадается, уже к самому вечеру увидел зайца на опушке и только хотел прицелиться – заяц вскочил и давай бог ноги! Охотник за ним бросился и выбежал на большой зеленый луг, на том лугу великолепный дворец стоит, из чистого мрамора выстроен, золотой крышей покрыт. Заяц на двор прыснул, и Иван туда ж; смотрит туда-сюда – нет зайца, его и след простыл! «Ну, хоть на дворец посмотрю!»

Пошел он в палаты; ходил-ходил – во всех покоях убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял – изо всякой бутылочки выпил по рюмочке, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и в ус не дует! Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королева – сама вся черная, и люди черные, и кони вороные.

Иван вспомнил военную выправку, вскочил и стал у дверей навтыжку; входит королева в комнату – он тотчас ей на караул сделал. «Здорово, служивый! – приветила королева. – Как сюда зашел – волею али неволею? От дела лытаешь али дела пытаешь? Садись-ка со мной рядом, потолкуем ладом». И просит его королева: «Можешь ли сослужить мне службу великую? Сослужишь – счастлив будешь! Говорят, русские солдаты ничего не страшатся; а у меня вот этим дворцом нечистые завладели...» – «Ваше высочество! Рад вам до последней капли крови служить». – «Ну так слушай: до двенадцати часов пей и гуляй, а как двенадцать пробьет – ложись на постель, что посреди большой палаты на ремнях висит, и что над тобой ни будет делаться, что тебе ни представится – не робей, лежи себе молча».

Сказала королева, попрощалась и уехала; а Иван купеческий сын начал пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило – лег на показанное место. Вдруг зашумела буря, раздался треск и гром, того и смотри все стены попадаются, в тартарары провалятся; полны палаты чертей набежало, завопили-закричали,

пляс подняли; а как увидели гостя, стали напущать на него разные страсти. Вот откуда ни возмись – прибегают фельдфебель: «Ох, Иван купеческий сын! Что ты задумал? Ведь тебя в бегах зачислили; ступай скорей, а то плохо будет».

За фельдфебелем бежит ротный командир, за ротным – батальонный, за батальонным – полковой: «Что ты, подлец, тут делаешь? Видно, сквозь строй захотел прогуляться! Эй, принести сюда свежих палок!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали целые вороха палок, а Иван купеческий сын ни гу-гу, лежит да отмалчивается. «Ах, мерзавец! – говорит полковой командир. – Он палок-то совсем не боится; должно быть, за свою службу больше этого видал! Прислать ко мне взвод солдат с заряженными ружьями, пусть его, негодяя, расстреляют!» Слово из земли вырос – взвод солдат появился; раздалась команда, солдаты прицелились... вот-вот выпалют! Вдруг закричали петухи – и все мигом исчезло: нет ни солдат, ни командиров, ни палок.

На другой день приезжает во дворец королева – уже с головы по грудь белая стала, и люди ее и лошади – тоже. «Спасибо, служивый! – говорит королева. – Видел ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробей, прослужи еще две ночи, я тебя счастливым сделаю». Стали они вместе есть-пить, веселиться; после того королева уехала, а Иван купеческий сын лег на свое место. В полночь зашумела буря, раздался гром и треск – набежали нечистые, завопили, заплясали... «Ах, братцы! Солдат-то опять здесь, – закричал хромой, одноглазый чертенок, – вишь, повадился! Что ты, али хочешь у нас палаты отбить? Сейчас пойду скажу дедушке». А дедушка сам отзывается, приказывает чертям притащить кузницу да накалить железные прутья: «Теми прутьями горячими проймайте его до самых костей, чтобы знал он да ведал, как в чужие палаты ходить!» Не успели черти кузницу справить, как запели петухи – и все мигом пропало.

На третий день приезжает во дворец королева, смотрит Иван – дивуется: и сама королева, и люди ее, и лошади – все до колен стали белые. «Спасибо служивый, за верную службу; как тебя бог милует?» – «Пока жив и здоров, ваше высочество!» – «Ну,

постарайся последнюю ночь; да вот на тебе тулуп, надень на себя, а не то нечистые тебя когтями доймаут... Теперь они страшно злы!» Сели они вместе за стол, ели-пили, веселились; после королева попрощалась и уехала, а Иван купеческий сын натянул на себя тулуп, оградился крестом и лег на свое прежнее место.

Ударило полночь – зашумела буря, от грома и треску весь дворец затрясся; набежало чертей видимо-невидимо, и хромых, и кривых, и всякого рода. Бросились к Ивану купеческому сыну: «Берите его, подлеца! Хватайте, тащите!» – и давай когтями цапать: тот хватит, другой хватит, а когти все в тулупе остаются. «Нет, братцы! Видно, его так не проймешь; возьмете-ка родного его отца с родной матерью да станем с них с живых кожи драть!» В ту ж минуту притащили точь-в-точь Ивановых родителей и принялись их когтями драть; они режут: «Иван, голубчик! Смилуйся, сойди с своего места; за тебя с нас с живых кожи дерут». Иван купеческий сын лежит – не ворохнет, знай отмалчивается. Тут петухи запели – и разом все сгнуло, словно ничего и не бывало.

Утром приезжает королева – лошади белые, люди белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, как из косточки в косточку мозжечок переливается. «Видел страсть, – говорит Ивану королева, – больше не будет! Спасибо тебе за службу; теперь пойдем поскорей отсюда». – «Нет, королева! – отвечает Иван купеческий сын. – Надо бы отдохнуть часок-другой». – «Что ты! Станешь отдыхать – совсем пропадешь». Вышли они из дворца и пустились в путь-дорогу. Отойдя немного, говорит королева: «Оглянись-ка, добрый молодец, что назади делается!» Иван оглянулся – дворца и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет. «Вот так бы и мы пропали, если б замешкались! – сказала королева и подает ему кошелек. – Возьми, это кошелек не простой, если понадобятся деньги, только тряхни – и тотчас червонцы посыплутся, сколько душе угодно. Теперь ступай, расплатись с трактирщиком и приходи вот на такой-то остров к соборной церкви, я тебя ждать

буду. Там отстоим мы обедню и обвенчаемся: ты будешь мой муж, а я твоя жена. Да смотри не опоздай; если сегодня не успеешь – завтра приходи, не придешь завтра – приходи на третий день, а упустишь три дня, век меня не увидишь».

Тут они распрощались; королевна пошла направо, Иван купеческий сын – налево. Приходит он в трактир, потрянул перед хозяином своим кошельком, золото так и посыпалось: «Что, брат! Ты думал: у солдата денег нет, так его на три года закабалить можно; ан врешь! Отсчитывай, сколько надобно». Заплатил ему триста рублей, сел на коня и поехал, куда ему сказано. «Что за диво? Откуда у него деньги взялись?» – думает трактирщица, кинулась к своим волшебным книгам и увидела, что он избавил заклятую королевну и та подарила ему такой кошелек, что завсегда деньги будут. Сейчас позвала мальчика, послала его в поле коров пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдет к тебе солдат, попросит напиться; ты ему скажи: воды нету, а вот тебе яблочко наливное!»

Мальчик погнал коров в поле; только успел пригнать, глядь – едет Иван купеческий сын: «Ах, братец, – говорит, – нет ли у тебя водицы напиться? Страшно испить хочется!» – «Нет, служивый, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь – скушай, авось освежишься!» Иван купеческий сын взял яблочко, скушал, и напал на него крепкий-крепкий сон; трое суток без просыпу спал. Понапрасну ожидала королевна своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за ним замужем!» Вздохнула, села в коляску и поехала; видит – мальчик коров пасет: «Пастушок, пастушок! Не видал ли ты доброго молодца, русского солдата?» – «Да вот он под дубом третьи сутки спит».

Королевна глянула – он самый и есть! Стала его толкать, будить; но сколько ни старалась – ничего не могла сделать, чтобы он проснулся. Взяла она листок бумаги, достала карандаш и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевоз, то не бывать тебе в тридесятom государстве, не называться моим мужем!» Положила записку Ивану купеческому

сыну в карман, поцеловала его сонного, заплакала горькими слезами и уехала далеко-далеко; была, да и нет ее!

Вечером поздно проснулся Иван и не знает, что ему делать. А мальчик стал ему рассказывать: «Приезжала-де сюда красная девица, да такая нарядная! Будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила в твой карман, а сама села в коляску, да и с глаз пропала». Иван купеческий сын богу помолился, на все стороны поклонился и поскакал на перевоз.

Долго ли, коротко ли, прискакал туда и кричит перевозчикам: «Эй, братцы! Перевезите меня как можно скорей на другую сторону; вот вам и плата вперед!» Вынул кошелек, начал встряхивать и насыпал им золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебе куда, служивый?» – «В тридесятое государство». – «Ну, брат, в тридесятое государство кривой дорогой три года ехать, а прямой – три часа; только прямо-то проезду нет!» – «Как же быть?» – «А мы тебе вот что скажем: прилетает сюда Гриб-птица^[2] – собой словно гора великая – и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит. Так ты разрежь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьем в середку. Гриб-птица подхватит падаль, перенесет в тридесятое государство и бросит своим детенышам: тут ты поскорей вылезай из лошадиного брюха и ступай, куда тебе надобно».

Иван купеческий сын отрубил коню голову, разрезал брюхо, вычистил, вымыл и залез туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли – спрятались. Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила падаль, понесла в тридесятое государство и бросила своим детенышам, а сама полетела опять за добычей. Иван распорол лошадиное брюхо, вылез и пошел к королю на службу проситься. А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пакости делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила.

Вот король думал-думал, куда деть этого странника. И приказал

выставить его злой птице на съедение. Взяли его королевские воины, привели в сад, поставили возле яблони и говорят: «Карауль, чтоб не пропало ни одно яблочко!» Стоит Иван купеческий сын, караулит; вдруг Гриб-птица летит, как гора валит. «Здравствуй, добрый мо́лодец! Я не знала, что ты в лошадином брюхе был; а то б давно тебя съела». – «Бог знает, либо съела, либо нет!» Птица одну губу ведет по́зemi, а другую крышей расставила, хочет съесть доброго мо́лодца. Иван купеческий сын махнул штыком и приткнул ей нижнюю губу плотно к сырой земле, после выхватил тесак и давай рубить Гриб-птицу – по чем по́адя. «Ах, добрый мо́лодец, – сказала птица, – не руби меня, я тебя богатырем сделаю; возьми пузырек из-под моего левого крыла да выпей – сам узнаешь!»

Иван купеческий сын взял пузырек, выпил, почувал в себе великую силу и еще бойчей на нее напал: знай машет да рубит! «Ах, добрый мо́лодец, не руби меня; я тебе и другой пузырек отдам, из-под правого крыла». Иван купеческий сын выпил и другой пузырек, почувал еще бо́льшую силу, а рубить все не перестает. «Ах, добрый мо́лодец, не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тут зеленые луга, в тех лугах растут три высокие дуба, под теми дубами – чугунные двери, за теми дверями – три богатырские коня; в некую пору они тебе пригодятся!» Иван купеческий сын птицу слушать – слушает, а рубить – все-таки рубит; изрубил ее на мелкие части и сложил в большущую кучу.

Наутро король призывает к себе дежурного генерала: «Поди, – говорит, – вели прибрать кости Ивана купеческого сына; хоть он из чужих земель, а все человечьим костям без погребения непригоже валяться». Дежурный генерал бросился в сад, смотрит – Иван жив, а Гриб-птица на мелкие части изрублена; доложил про то королю. Король сильно обрадовался, похвалил Ивана и дал ему своеручный открытый лист: позволяется-де ему по всему государству ходить, во всех кабаках и трактирах пить-есть безденежно.

Иван купеческий сын, получа открытый лист, пошел в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да

полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и лег спать. Вот так-то жил он у короля на конюшне круглых три года; а после того явилась королева – она кривой дорогой ехала. Отец радехонек, стал расспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, от горькой доли спас?» – «Такой-то солдат из купеческих детей». – «Да ведь он сюда пришел и мне большую радость сделал – Гриб-птицу изрубил!» Что долго думать-то? Обвенчали Ивана купеческого сына на королеве и сотворили пир на весь мир, и я там был, вино пил, по усам текло, во рту не было.

В скором времени пишет к королю трехглавый змей: «Отдай свою дочь, не то все королевство огнем сожгу, пеплом развею!» Король запечалился, а Иван купеческий сын хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, кинулся в зеленые луга, поднял чугунную дверь, вывел богатырского коня, надел на себя меч-кладенец да боевую палицу, сел на коня и поскакал сражаться. «Эх, добрый молодец, – говорит змей, – что ты задумал... Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!» – «Не хвались, прежде богу помолись!» – отвечал Иван, махнул мечом-кладенцом и сшиб разом все три головы. После победил он шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях.

[1] – Промотавшиеся, пропившиеся люди.

[2] – Гриб (Грип)-птица вместо Гриф-птица.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царевна-змея

Ехал казак путём-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лёг около стога и закурил трубку; курил-курил и не видал, как заронил искру в сено. После отдыха сел на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Казак оглянулся, смотрит: стог сена горит, а в огне стоит красная дэвица и говорит громким голосом:

- Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.
- Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.
- Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

□Тотчас красная дэвица оборотилась змеёю, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему

делать и как ему быть. Провещала змея человеческим голосом:

– Не бойся, добрый мо́лодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство – останься и проживи там ещё семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

□Поехал казак разыскивать оловянное царство, много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный за́мок, кругом за́мка высокая белокаменная стена. Поскакал на́ гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-де́вицей и с глаз пропала – словно её не было. Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошёл во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх, – думает казак, – куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, пришлось помирать голодную смертью!»

□Только подумал, глядь – перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть – всего вдоволь; он закусил и выпил, подкрепил свои силы и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню – конь стоит в стойле да овёс уплетает. «Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить».

□Долго-долго оставался казак в оловянном за́мке, и взяла его скука смертная: шутка ли – завсегда один-одинёшенек! Не с кем и словечка перекинуть. С горя напился он пьян, и вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится – везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый мо́лодец палку, вошёл во дворец и давай зеркала и стёкла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является. Лёг казак спать; на другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит – нет ему ничего! «Эх, – думает, – сама себя раба бьёт, коль нечисто жнёт! Вот набедокурил вчера, а теперь

голодай!» Только покался, как сейчас и еда и питьё – всё готово!

□Прошло дня три; проснувшись поутру, смотрит казак в окно – у крыльца стоит его добрый конь осёдланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, богу помолился, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась – явилась красная девица:

– Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось – избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унёс от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

– А что за корысть в нём?

– Покатишь бочонок в правую сторону – тотчас дворец явится, покатишь в левую – дворец пропадёт.

– Хорошо, – сказал казак, сел на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ним пораздвинулись, и поехал он в путь-дорогу.

□Долго ли, коротко ли – приезжает в сказанное королевство. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и даёт казаку полны мешки золота и жемчугу. Отвечает добрый молодец:

– Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

– Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За неё и бочонка не жаль; бери с богом.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

□Ехал-ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик:

– Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо – в ту ж минуту чудный дворец явился. Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

– Эй, слуги мои верные! – закричал казак. – Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить – несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик уписывать да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит:

– Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб за соль.

□Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону – и дворца как не бывало.

– Давай поменяемся, – говорит старик казаку, – я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

– А что толку в мече?

– Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть – хоть какая будь сила несметная, всю побьёт! Вон видишь – лес растёт; хочешь – пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

– Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб; махнул мечом и убил старика до смерти. После привязал бочонок к седлу, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошёл сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на неё мечом:

– Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражее.

Полетели головы, полилася кровь, и часу не прошло, как всё поле трупами покрылось.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королеву. Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мёд-вино пил, по усам текло, во рту не было.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...